

№ 126 ДВА БРАТА

Вот было́ два брата. Боуатый брат был и бедный. Боуатого звали Ёришка, а бедного Ёришута. Да. Ну так, как у Нестяришки: рьят кучка и ничох нет. Вот. Да! Один у яво конь, и тот заболел и сдох тот конь у тоуо, у бедноуо. А боуатый этот боуато живётъ. Ён [бедный брат] и уоворить:

– Братец, да ты жа мне что-нибудь да помох! Ребятам поесь(?) да что!

А ён уоворить:

– Ничím я табе помоуать ня буду!

Да. Вот. Ён взял етого коня, ободрал. (Знаешь, люди были дюже* дурны спярва.) Ободрал ету шкуру коню и понёс, как вот, видите, продавать на базар.

Вот. Является. Да. (Ой, сбился.) Понёс на базар и опоздал. Тады зайшёл к какому-то соседу поночевать. Да. Да не пускаетъ женшшына. А хозяина дома нет, а женшшына не пускаетъ. [Он] уоворить так:

– Я, – уоворить, – во де со своим мяшочком под заунеть* побуду!

А у женщины тогда был полюбовник... вот в шкапé замкнутый. Да. Тады яна, тады яна уоворит:

– Пустите!

Во. А ён тады это на печку узлез и кожу тую у мяшке стянув и ляжить.

Хозяйка-то отомкнула шкап и посадила яуо [полюбовника за стол] исьть, и всяуо там яна наставила яму и пол-литра поставила. Да.

Тольки так ён – урох-урох! – хозяин пришёл. Она скорей опять яво в шкап и замкнула. А тот усё там ляжить, видеть ўсё. Да.

Тады ён [муж]:

– Давай, – уоворить, – вужинать!

А тада на емле (?) стояла похлёбка тая прокислая, яму налила. А в печке всё, всё там ёсь, и ничох не дала. Раз полюбовник, ня надо ёсь. Да. Потом улядить: мушшына! А этот замячал. И ест [муж], она там занимается.

Тады уоворить:

– Ай, – җоворить, – ночлежник, ходи, – җоворить, – ко мне суп хлябать: хоть прикис, а я исть хочу, поем!

Ён долой.

– А ето [на мешок со шкурой лошади], – җоворить, – что в тябе?

А ён [Гришута] ляжался, надумал:

– А ето, – җоворить, – у мяня волшебник (на коньскую шкуру)!

Да.

– А вот что твой волшебник знает?

– А мой волшебник усё расскажет тебе, что в тебе в домé вядётся!

Вот.

– А я, – җоворить, – тебе большие деньҗи дам за яво, чтоб я знал!

Ну, зачем ей, она яво не понимаить: крутится там. Да.

А мужик [по коже] ногтём. А кожа была сухая. Ногтём кожу – тись-тись! А ета кожа – свись-свись! Аҗа.

– Ой, что этот волшебник тебе җоворить?

– А мой волшебник җоворить то, что в тебе у печке всё на свете: и блины, и мясо, а ты, җоворить, прокислый суп хлябаешь!

Он открыл заслонку*: и правда!

– Ну, давай, будем йись!

А яна [жена] ляҗла, ляҗить. Аҗа.

– А яшшо, – җоворить, – ти знаешь?

– А знаю, – җоворить, – открый шкаф: у тябе в шкапé человек!

Уҗу. Так ён открыл шкаф, взял яво [полюбовника жены] сюда. Не пьёт, ни чо. Да. А тады җоворить:

– Я, – җоворить, – у тебе этот волшебник куплю! [Смеется].

Аҗа. Коньская шкура! (Дураки были раньше люди, ня вси вумные!). Да. Вот.

– Что тебе дать?

А он:

– Мне, – җоворить, – җарник* золота-серябра (На тые деньги старые. Аҗа. Тоды бумамах* мало былó!)

Вот он взял, насыпал яму, ён потом завязал, в свой мяшок [шкуру], уложил. Повужинал [у него Гришута] – и домой!

Нашёл ён ... еты деньуи хукнул. Вот. Пошёл к мауáзину, накуплял ситцу, одежды накуплял, үстинца рябятам.

А через сени с братом жили. Да. Тады привёз это всё, и прибеули явонные [богатого брата] рябяты, через сени в тую хату к няму. Дядька ж, а ребята ж ня виноваты! Да. Тоды ён йим дал [гостинцев].

Тода [богатый брат] үврить:

– А де? А де вы брали?

– А, – үвóрять, – дядька дал!

И ён [богатый брат] сам зайшёл [узнать, откуда у бедного брата деньги на гостинцы взялись].

– А де ты брал?

– А я, – үвóрить, – конь сдох, шкуру снял, мне, – үвóрить, – жиды* бяуом расхватили, наносили денех, шкуру хватили. Поглянь, сколько у мяня серябра да золота! (Брата обманил.) Аүа. Да.

Вот, милая моя. А брат поүлядел, что было десять конёв. «Возьму, своего коня зарежу!» Аүа. «Быдто я вязу шкуру на базар». Он [богатый брат] взял коня обвалил*, ободрал, высушил [шкуру] и понёс на базар.

Приносит на базар. Являются явреи к яму:

– Сколько шкура стоить?

– Үарник золота!

– Тьфу, дурак! Два рубля!

Аүа.

– А мой жа брат вот так и так, на базар и носил и принёс үарник золота!

– Откуда такей дурак нашёүся?

Да. Ну что ж! Ён тую шкуру кинул и два рубля ня стал брать, что: «Я такого коня зарезал! Я возьму яво, да и зарежу пришёвши, брата, зачем он меня обманил?!»

Аүа.

Пришёл [к брату]:

– Я, – үвóрить, – днём ня буду рябят пууать, а кода, – үвóрить, – заснёшь, то я тябе всё равно зарежу!

Вот. Ну что ж? Так яму и сделал [т.е. отложил расправу до ночи].

Ён [бедный брат] взял (Раньше ж не носили штаны [бабы]), жёнка [бедного брата] заснула, штаны надел ей, рубаху надел короткую, а сам узял да и уйшёл. А этот [богатый брат] пришёл ды жёнку зарезал.

Да. Ну что ж сделать? Ён [бедный брат] взял жёнку обмыл, обхóлил*, посадил у возок – уже ён купил коня и возок – усяго накуплял. Да. Ну она пристягнулася так, платком шалкóвым обвязал и всё – и повёз на базар. Ууу. «Яво – ўовóрит – я никак жита* не (о)бманю? Как-нибудь да обманю! Я, ўовóрит, брата обманил и мужука обманил, а бываить и так, и жита, бывало, омманишь!»

Ну. Приехал у чайную. (А раньше ж чайная, столовая таперь от ўосударства, а тады имеет мушшына.) Вот. Пришёл ён туда, что чайку поўреться. А яна ўовóрить, эта:

– И мёд ёсь!

– Ну тады дай мядку моей хозяйке: яна, укорилася*, не йдётся!

– А ты сняси сам!

– У мяне яна не возмётся: сильно укорилася, рассярдилася, натура в ей дюже* худая!

Это ён. А сам узял стакан это чаю, подсластил мёдом ды и пьётся, а пить ня хочеть: ня знаеть, как бабу тую жида обманить. «Баба, ўоврт [говорит], коуда будет, как дай ей под ўубу хорошенько! Коли пить ня будеть!»

Он пришёл и что:

– На чаю табе! [поправляется:] А! это... мёду табе! На мёду!

Мёду тады принёс – она ня взяла. [Далее часть записи испорчена и восстановлена по рукописному тексту] Размахнётся, как размахнётся, как дасть под губу! [Баба и упала. Гришута выскочил из чайной]:

– О-ой! – закричал, – яврей, – ўовóрить, – жёнку зарезал!

Ауа. [Часть записи испорчена, восстановлена по рукописному тексту] А яврей кричить:

– Ня выдавай мяне! А то мяне посодют навеки в тюрьму за яе, а я ня резал, это кто-нибудь отрезал! Я тябе чашку золота и серябра дам!

Сказка! Да. [Часть записи испорчена][Гришута поехал на] кладбище, выкопал ямку, закопал [тело жены], поехал... домой. Да.

Приехал домой. Тады ўвоборить этот. Рябяты прибеули.

– Идите, поулядите, что ён привёз!

– А я, – ўвоборить, – яво, думал, зарезал, а я, – ўвоборит, – тётку зарезал, а не яво зарезал! А ён скрылся! – ўврит.

Да. Тады ён ўвоборить, пришедши:

– Уде ты яе дел?

– Уде дел! Ляжить. Яврей, нада яну яна, узял да и мне вот чашку золота! – да показыват на ону.

Ён [богатый брат] узял, пришёл ды жёнку зарезал. Аҫа. Зарезал жёнку. Узял да положил яе у крові, да й повёз на базар:

– Уде тут-ко мёртвых людей продають?

Бяуут люди:

– Дурак, – ўвоборять, – надо ж хоронить! Что ты с ума сойшёл? Куды ты привёз яе? И вся у крові усё, а ты яе привёз? Надо ж хоронить!

Привёз домой, похоронил. «Топере-ка ужо я свояҫо брата со свету сживу! Топерь мне кобён(?), и хозяйку я прибрал*, поунаўся за золотом [спохватившись:] аҫа, за братом: «Прибярү!»

Да. [Пришел к брату].

– Садися, – ўвоборить, – в мех*: понясу утоплю!

Это брат. Взял у мех посадил яво. А тады – так-то Боуу он нагрязил, жёнку зарезал – поставил яво у мяшку коля церкви, а сам пошёл у церковь Боуу помолиться. Приходить туда, стал Боуу молиться, служба идеть.

А ён у мяшку:

– Ни писать, ни читать ня ўмею, на попы сядють*!

Аҫа. «Ни читать, ни писать ня ўмею, на попы сядють!»

Да. А попа только обстрыҫлі*, сняли с должности.

Сзади бяҫить поп. А прибех:

– Что ты ўвоборишь?

– Да во: я писать и читать аза ня умею*, а они хочут, чтоб я попом был в етой церкви!

– Давай я буду!

Ён вылез, Ыришка, который Ыришута, попа взяли, всадил, завязал, а сам пошёл. Домой. Вот.

Пошёл у имение, купил сабе две корови, приунал на улицу и ходить, а яны такие, что ах! [А его брат идет домой:] «Жёнку субивши*, коня субивши и брата втопил!» Ён расстроився.

Пришёл, а ён [брат] любитса коровами. Ды и улядить:

– А я, – уоворить, – тябе ўтопил!

Вот.

– Как ты [оказался здесь]?

– А я, – уоворить, – на дно – там коров мноуо! Я выбрал две корови, да и поунал [на берег], а я жив остался.

– Пойду и я!

Вот.

– На, братец, тебе мяшок, иди топерь ўкинъ мяне ў ряку!

– Не, – уоворить, – ползи сам!

Вот. Уполз ў ряку. И всё. Сказка вся!